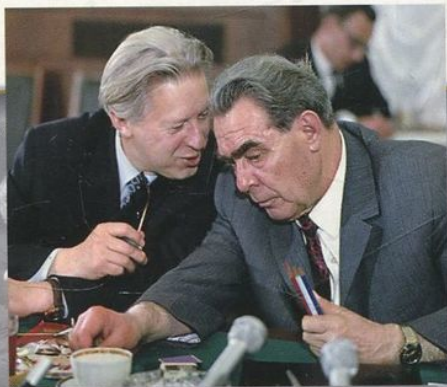

Александр БАЙГУШЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПАРТИЙНАЯ РАЗВЕДКА

Враги России в партийном аппарате
готовили ползучий переворот — перестройку

Александр Иннокентьевич Байгушев

Партийная разведка

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17073369

Партийная разведка / Александр Байгушев: Москва; 2007

ISBN 5-9265-0420-7

Аннотация

Автор книги, в брежневские времена входивший в партийную номенклатуру, рассказывает о деятельности внутри КПСС группы русских патриотов, которые боролись с антигосударственными элементами в партийном аппарате. Последние уже тогда готовили ползучий переворот, позже получивший название перестройки.

Не вина, а беда русской «партийной разведки» в том, что у нее не хватило сил для борьбы с внутренними врагами СССР, облеченными высокими полномочиями.

Содержание

Часть I. Записки из русского подполья (1964–1985)	5
1. Ушел утопический поезд! Еврейский чертополох	5
2. Двадцатилетний полет на двух разного цвета крыльях двуглавого имперского орла	20
3. Русские и еврейские «опорные пункты»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Байгушев

Партийная разведка

© Байгушев А.И., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Часть I. Записки из русского подполья (1964–1985)

1. Ушел утопический поезд! Еврейский чертополох

При Втором Ильиче я служил «в контрпропагандистах» (Брежнев выговаривал не без покровительственной издевки: «в контрабандистах»! «ах, вы моя дорогая банда»!) Политическую кухню Второго Ильича знаю хорошо. И не только профессионально-формально, но и немного изнутри. Из «семьи», как у нас принято теперь красиво говорить. Я в то время дружил с его дочерью Галей Милаевой-Брежневой, с которой мы рядышком работали в АПН. Я до сих пор помню, какой она мне устроила тогда сказочный день рождения. Он пришелся на выходной день в Центральном Доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли. Я тогда очень много писал на границу, в самые престижные западные журналы, и хорошо зарабатывал, и я пригласил на банкет массу друзей. Весь ЦДЖ был заполнен моими друзьями. А ночью мы взяли такси и все поехали на Ленинские горы – смотреть на Москву с высоты Воробьевых гор, как Герцен и Огарев, которые дали клят-

ву вечной дружбы в виду Москвы. Мы тогда действительно все чувствовали себя герцеными и огаревыми. Брежнев собирался провозгласить совершенно новый «не репрессивный» курс, а мы искренне хотели ему в этом помочь.

Брежневскую Галя сейчас изображают опустившейся выпивохой, она действительно плохо кончила. Но в молодости была очень шустра и приметлива. Отменно работала на папу. Помню, в 1964-м, незадолго до устранения Хрущева, пьем мы вчетвером вместе с близкой подругой Гали «гречанкой» Иечкой (у нее было греческое имя Йя, по маме гречанке. Галя звала ее Читой) и ухажером Иечки дома у «гречанки» в высотке на Красных воротах. Те уже уединились. А Галочка про Фурцеву пытается, насколько «Катя» будет опасна? с «Катей» мне до АПН довелось поработать – «журналистом-переводчиком» от «Советской культуры» на приемах иностранных делегаций, чтобы перед какой-нибудь Софи Лорен министру душой не выглядеть – я не столько переводил, сколько за Катерину Алексеевну демонстрировал свою кинематографическую эрудицию; Софи охала – какая советский министр культуры начитанная! как всех знает! все наши фильмы смотрела! а «Катя» лишь ревниво шипела: «Не трись об ее груди! я все вижу!». Про «Катю» я многое знал и был к ней вхож. «Катя» была у Хрущева наиболее реальной опорой. Вот Галя и пыталась, как «Катю» поумнее вывести бы из игры. Галя, повторюсь, была очень не проста. Ушки у нее всегда были на макушке. И теневой организа-

тор она была не «тюха». У нее всегда было много кавалеров. Даже знойный «цыганский барон» Бурятица. Но ее голубой мечтой был белокурый, как ангел, танцор Марис Лиепа. Однако папа настоял, чтобы в мужья себе она подобрала русского – с прицелом. Папе нужен был зять, если не сразу на КГБ, то уж, по крайней мере, на Министерство внутренних дел, получившее при Брежневе необъятные полномочия и почти уже свысока поглядывавшее на хиреющий, на всего лишь «комитет». Мужем Галочки стал милицейский офицер Чурбанов, который вскоре стал первым заместителем в Министерстве внутренних дел. И он, увы, по наивности своей стал одной из косвенных причин возвышения «перевертыша» Горбачева. О том, как это было, я расскажу, когда до него дойдем.

А пока только прошу поверить мне в том, что я вполне осведомленно объясняю: уже при Брежневе «наверху» горько осознали, что политического единства в КПСС нет, и его уже никакой даже самой лучшей «контрпропагандой» не добиться.

Аналитики-конспирологи докладывали новому генсеку Брежневу нерадостную общую картину. Практически после Хрущева в нелегкое наследство нам досталось из-за хрущевской вульгарно антиизраильской политики весьма сплоченное в ненависти к русским еврейское недовольство. Сознание масс после Хрущева и так раскололось, стало «амбивалентным», духовно двойственным. А тут еще ненависть к

русским. «Оттепельная» интеллигенция как взбесилась. Ах, нельзя? Запрещено? Так мы в пику хотим все в Израиль! Все, и русские, и Русская партия внутри КПСС тоже, – в Израиль, сделаем себе из солидарности еврейских предков. В Израиль, в Израиль, только не оставаться в Отечестве! По рукам пошел теперь ставший обильным – подводные ручейки сползли в катакомбную реку – самый крамольный «самиздат». В пишущую машинку загоняется до десяти экземпляров папиросной бумаги и – «долой эту власть! эту страну!».

Расплодились, как мухи, диссиденты – преимущественно из евреев. Сталинский 1937-й год почистил партийную верхушку, верхи власти и армии. Но кругов-то интеллигенции ведь практически не коснулся. Сняли под горячую руку тогда только уж самую-самую пену. Да и то нередко под эту горячую руку убирали вовсе не тех. Конечно, ужасно, что случилось с Исааком Бабелем, но тот хоть был последовательным троцкистом. А православный Осип Мандельштам? Его-то за что? За стихи против «усатого осетина»? Так пожурить было достаточно, никакой же он не идейный оппозиционер. Хотя таких вопиющих случаев, как с несчастным Мандельштамом, были на практике единицы. Но в «оттепель»-то за них-то уж постарались «они» уцепиться и раскрутить как «сталинские массовые зверства против еврейской интеллигенции» на полную катушку. Мы докладывали Брежневу:

– Если глядеть в корень, то еврейская интеллигенция таки

без особых потерь пережила и 1937-й, и борьбу с космополитизмом 1948-го. Пообрубили листья, но чертополох устоял и размножился. И к середине 60-х годов за редкими «выставочными» русскими фигурами (на них-то пальцем в смердящей «жидовствующей», заполненной «ими» прессе и указывают! на них-то грязь намеренно и льют, себе, любимым, места выгораживая!), основную часть творческих союзов, аппарата СМИ – газет и журналов, телевидения по-прежнему составляют именно динамичные евреи.

Увы, при советской власти они почти полностью вытеснили русских из интеллигенции и держат у себя контрольный пакет по ее кадровому составу. Например, Союз писателей и сообщество кинематографистов – от 86 до 83 %! Полностью господствует еврейство на телевидении. Вот они-то и подогревают принявшее колоссальный размах диссидентство, то есть инакомыслие, распространение «самиздата». Вся «прогрессивная пропаганда» целиком в руках еврейства. А в чем этот прогресс? В том, чтобы шею власти свернуть, а дальше им все по фене – будь, что будет? Дешевое «кухонное» свободомыслие, превратившее хрущевскую «оттепель» в совершенно безответственную вседозволенность и подрыв государственных устоев, – опять же всецело стало именно еврейским «прогрессивным» хобби.

У Брежнева была небольшая дача совсем рядом с кольцевой дорогой в Заречье, предоставленная ему как члену Политбюро. Самая скромная дача из всех госдач, низенькая, в

два этажа, внешне совершенно неказистая. Брежнев по характеру не был барином. Подарки охотно принимал, но и сам любил делать ответные подарки – поедет в командировку, так ни одного скромного зам зава отделом, ни одну секретаршу без сувенира от себя на память не оставит. И всех выслушает. Очень умел слушать! Всем слова ласковые скажет. Любил выпить в компании, но никогда не напивался до невменяемости, как Ельцин – а так, пил по-русски, «для разогрева души». Острил, сыпал прибаутками. Читал наизусть стихи. А дома сидит – начинал обзванивать друзей и знакомых. Всю страну обзвонит, всех первых и вторых секретарей обкомов, и видных людей – каждому поддержка. Искал популярности? Да. Но и просто таков был его широкий русский, общительный характер. По духу он был «собирателем», из тех, вокруг которого всегда куча людей. «Своих» он берег, и недостатком его было, пожалуй, даже то, что он уж слишком опекал «своих». Никак не мог разочароваться в каком-то потерявшем себя человеке – все на что-то надеялся, все хотел дать шанс выправиться.

А свою самую скромную дачу он сохранил за собой и став генсеком, – пусть, мол, маленькая, но зато удобная, от Москвы в пяти минутах, людям сюда легко добраться. На ней Брежнев очень любил принимать людей – не на показуху, не на разгул, а потолковать – разных, как можно более широкий круг, чтобы держать руку «на пульсе». На ней Брежнев и советовался в узком кругу своих особо приближенных «тай-

ных советников» – что делать?

Что же – назад к Сталину? Репрессии направо и налево? Устраивать новый 1937-й год, чтобы сохранить партию и государство? Да и с кем его устраивать, на кого опереться? На молодых «шестидесятников» – так они сами все поражены диссидентской чумкой, все не знают сами, чего хотят. Среди молодых «шестидесятников» к тому же еще большинство и «аджубеевцы», «младотурки». Но кем их заменить?

Брежнев – недавний удачливый Первый секретарь Молдавии, а затем Казахстана, поднявший целину(по крайней мере, для своей собственной громкой организаторской славы!). Потом «рабочая лошадка» – секретарь ЦК, сидевший «на хозяйстве». Потом какое-то время декоративная фигура при советской власти Президент – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. И – снова секретарь ЦК, «рабочая лошадка», Второй при только болтавшем, разъезжавшем с помпой и даже переставшем ходить на Политбюро Никитке Кукурузнике. Второй – он и не рвался в Первые. Так уж получилось, что окружение его практически заставило «короноваться» – он среди заговорщиков всех устраивал. Не молодому же «Железному Шурику» – Александру Николаевичу Шелепину сразу власть отдавать? Тот уж очень властолюбив и крут. А Брежнев прекрасно отдавал себе отчет, что он по масштабу не Сталин. Прихода нового Сталина боялись. Да и сталинские «кавказские снимания скальпов» то с евреев, то с русских были всем совершенно не по нутру. А

Брежнев не скрывал, что был православным. Мать его была глубоко верующей и внучку Галочку крестила. Всем рассказывала, как в Днепропетровске юродивый предсказал ее Ленежке долгое правление, если не будет трогать церковь. «Ленежка» ее рассказы «терпел». Он лишь неизменно сглаживал (сглаживать было у него в крови!): добавлял, что никогда сам в церковь, как мама и Галя, все-таки в открытую не пойдет: партийное положение обязывает! В уставе у нас пункт об обязательном атеизме. Конечно, он устарел. Но сразу его как отменить? Приучаться к Богу снова нам постепенно надо! А пока – в душе надо Бога держать. Я за Бога в душе! Как же русскому в душе без Бога?!

Жена Виктория Петровна тоже у Брежнева была православная. Болтали, что из выкрестов. Но Галя мне говорила, что это брехня, и байку эту они сами распустили, чтобы завоевать симпатии иудейской элиты. Так, кстати, не один Брежнев тогда делал. С иудейской элитой наверху очень считались. Жена еврейка – вроде как для «отмазки», чтобы «они» прощали и не слишком агрессивно спихивали с поста. Брежнев даже и Кобзона демонстративно полюбил – заводил же «помлеть», послушать для души Зыкину.

Но что Кобзон? Андропова-Файнштейна Брежнев поставил на КГБ именно под этим лозунгом: КГБ у нас теперь пост не популярный. Любые его действия будут визгом встречать. И у нас, и особенно из-за кордона. А своему Файнштейну, глядишь, что и простят. Не так вопить будут!

Брежневу, подчеркну еще раз, уже даже в силу его мягкого характера было не по душе задействовать репрессивный аппарат. Но, если не по-сталински, не поочередными репрессиями то евреев, то русских, как держать государственный корабль, чтобы с борта на борт не кидало, не раскачивало?

Сталин пытался сделать из партии Меченосный Орден Революции. И Сталину это ценой постоянных репрессий, чисток, – но удавалось. Многие нынешние «патриотические» мечты о новом Сталине связаны как раз с его умением наводить порядок железной метлой. Неосталинисты согласны на железную метлу – лишь бы не нынешний хаос и разгул терроризма. Но неосталинисты не понимают – для нового Сталина нужен и новый Меченосный Орден. А такового уже нет и никогда не будет. Одного оголтелого с железной метлой еще можно найти. Но создать Партию Железной Метлы? Где такую взять? Александр Петрович Баркашов с его «Русским национальным единством»? Он бы справился. Он бы навел порядок. На местах он кое-где уже и наглядно доказывал, как надо наводить порядок. Мгновенно весь бандитизм прекращался, едва чернорубашечники Баркашова начинали прохаживаться по улицам. Но при всех моих личных симпатиях к Баркашову – «РНЕ» входило как головная организация в «Славянский Собор», в котором я был сопредседателем, – я не уверен, что это необходимое решение. Он бы, не дрогнув, отправил за «черту оседлости» и евреев, и кавказцев, попробуй только они при нем «бузить». Но готовы ли мы все мо-

рально при нашей «всемирной отзывчивости» к такому решению?! Боюсь, что, только когда окончательно начнем вымирать как народ, спохватимся по Баркашову.

Вернусь однако в брежневские времена. Меченосного Ордена Революции у Брежнева в руках, увы, уже не было. От Железной Метлы Сталина после Хрущева остались одни ошметки. Хрущев трагически расколол монолит партии. Сколь ни тяжело нам было это видеть, но мы в аппарате контрпропаганды тогда, в 60-х годах, вынуждены были смотреть в лицо трезвой реальности. Коммунистическую интернациональную идею разорвали на кусочки неистребимые, как само человечество, «национальные особенности». Сейчас нам пытаются взамен «интернационализму» навязать мировой «глобализм». Но и его, я уверен, разъедят эти упрямые «национальные особенности».

А тогда мы жаловались: сталинский идеологический гранит, отсекавший «оппозиционеров», из-за непродуманности политики Хрущева бесповоротно раскололся пополам. И мы беспомощно разводили руками:

– Гранит не склеивается никаким «контрпропагандистским» клеем. После оглушительного XX съезда с его хрущевскими, крайне субъективными разоблачениями, внешне до жути откровенными, хотя Хрущев сознательно сгустил краски, многое и приврал, цинично приписав Сталину мало что убийство Кирова, но даже свои собственные, именно свои собственные репрессивные зверства в Москве и на

Украине!..

Но дело сделано – после этих неумелых разоблачений – иезуитски красивых, ультра «прогрессивных», самых «демократических», но во многом опрометчивых, безжалостно разбивших великие иллюзии народа, – к товарищу Сталину возврата нет, потому что, увы, духовно уже почти не стало искренних марксистов.

Мы докладывали Брежневу, что, хотим мы этого или не хотим, но придется за кулисы конспирологам, прорабатывающим партийную политику в тайне, – только меж самими высокими партчинами и их «конспирологической» обслугой, – горько, но прямо признать: утопических иллюзий про грядущий коммунистический рай после Хрущева в народ уже не вернешь.

Бога, как делали из товарища Сталина, нам из товарища Брежнева никак не сделать! Невозможно. Крах иллюзий полный. Хрущев практически подрубил под корень весь авторитет и бурный рост коммунистических партий на Западе. А у себя в стране превратил весь народ в лицемеров. Во что верят теперь? А только в то, что Бога нету. Хрущев со своими аджубеевскими «младотурками», мало что Сталина с пьедестала свалил, еще к тому же и сам сатанински рехнулся – крайне не к месту и не ко времени начал второй глобальный поход против Православной Церкви. Сталин в Отечественную войну понял, что народ без Бога нельзя оставлять, что он сам все-таки не может до конца заменить Бога и пе-

ред лицом кровавого нашествия Гитлера мудро вернул Православной Церкви ее тысячелетнее прочное место в русской духовной жизни. А вот Хрущев своим тотальным разрушением храмов (при нем больше было разграблено, закрыто и снесено, чем при Ленине и Сталине, вместе взятых!) и бесовскими воплями по телевидению, что через пару лет он покажет народу последнего попа, даже и это последнее духовное прибежище – Церковь – у народа окончательно отнял.

Таково было брежневское, после хмельной оттепели, тяжелое протрезвление с больной головой. Брежнев был растерян, подавлен. Но признал, что духовную сумятицу в народе и партии, «Перельмутером» в злое наследство ему, Брежневу, оставленную, уже не преодолеть, что духовный раскол общества состоялся. Но жить-то надо. Партию сохранять как-то надо. Нужно было искать какую-то хотя бы полу-иезуитскую, но на какое-то время эффективную, пусть временно, но жизнеспособную модель политического управления огромной страной. И что делать с совсем вышедшими из под государственного контроля «шестидесятниками»? Что делать с динамичными бунтующими евреями? Ленин был за ассимиляцию евреев. Ничего из этого не вышло. Всегда в них бунт. Всегда у них, как политические карты ни тасуй, выбрасывается при игре в очко не 21, а 22 – «нерастворимый бунтующий еврейский осадок остается на дне в душе каждого, даже вполне ассимилированного» (О. Рапопорт. «22», 1978, № 1).

Да, тут ничего не попишешь. Выживаемость потрясающая, как у чертополоха. Но что же делать? Что делать? Как раз случился частный опыт, который я поставил на самом себе, но который произошел не без предварительного одобрения Самого, мне пообещавшего: «Коли сорвешься и затопчут, я тебя потом вытащу, а мы хоть увидим наглядно, как “они” себя поведут – эта наша отборная интеллигенция, которую Хрущев с Аджубеем в АПН нагнали. Тут они уж все, как на подбор. Вот и посмотрим, как они себя поведут». Для чистоты эксперимента он должен был контролироваться шаг за шагом наблюдательной дочкой Самого Галей Брежневой-Милаевой – под ее всевидящим зорким оком. Я знаю политиков и, честно говоря, не был уверен, что Сам просто не позабудет обо мне, если дело сильно пойдет в разнос. Как Бойкая Галя, а она любила авантюры, меня ни подбадривала, я вполне трезво оценивал и такой вариант. Но я был молод и тоже авантюрен.

Итак, к опыту, который я поставил на самом себе. Мне поручили сделать доклад на закрытом партсобрании на скользкую тему – об умонастроениях в кругах зарубежной интеллигенции по отношению к Советскому Союзу и методах нашей контрпропаганды, способных положительно воздействовать на такие умонастроения. Я перед этим как раз сопровождал нашу гостью – дочку видного чехословацкого деятеля Гоффмейстера (он станет одним из лидеров «Пражской весны»). Мы дочку так ублажали, что даже открыли для

нее одной в выходной день Третьяковскую галерею, мы вдвоем с ней бродили по залам и больше всего по «запасникам», а она, не стесняясь, поносила, как могла, русскую тупость и отсталость от Запада. Она была активной сионисткой, как и ее папа, и совершенно не скрывала, что в самое ближайшее время «они дадут бой».

Я пересказал весь наш разговор Гале и еще раз вместе с ней уже ее папе. Вот тогда он и предложил: «Вот, раз тебе делать спецдоклад на закрытом партсобрании, лучшего случая не будет. Пощупаем наших интеллигентов на вшивость». Я вылез на трибуну закрытого партсобрании и понахалке, нарочно вызывая огонь на себя, осудил линию АПН: «Вот мы тут провозгласили “розовую” компромиссную контрпропаганду вместо наступательной и державно национальной “красной”. А даже в облагодетельствованной нами Восточной Европе у наших друзей закадычных антирусские настроения, и кто закоперщики таких настроений? Поднявший, как кобра, голову сионизм! На кого, выходит, работаем?»

Я назвал несколько характерных материалов и их авторов. Естественно, иудейское лобби бросилось меня исключать из партии. А мы уже только смотрели, кто за кем стоит, кто как себя поведет, кто чего стоит. Меня «они» на парткоме АПН исключили из партии «за политическую безответственность» (!). И тут же уволили по статье с работы. Не слабо! МГК меня восстановил в партии и на работе. Но не без выговора. Я, наверное, действительно перестарался, так

что партвыговор на МГК мне дали с милой формулировкой, придуманной лично членом Политбюро незабвенным Виктором Васильевичем Гришиным: «За нетоварищеское отношение к товарищам по работе». А в КПК член Политбюро Арвид Янович Пельше мне так же мило, как Гришин, сказал: «Выговор КПК, пожалуй, отменять не будем. Не стоит тебе настаивать. Пусть чуть поутихнет, а то “они” тебя сожрут. Перегнул, не надо было еврейские фамилии мусолить – “душок” появился. На Политбюро мы обменивались насчет ЧП в АПН. Все “они” проявились, как на ладони. Готовим реорганизацию АПН и самую серьезную кадровую зачистку. Ни одного, кто на тебе высветился, не оставим на идеологии. Всю верхушку АПН поменяем. А тебя Гришин уже рекомендовал поставить на самый опасный идеологический участок в АПН. Чего тебе еще надо?! В главную редакцию издательства АПН по заказам зарубежных капиталистических фирм, призванную взять под контроль “самиздат» и утечку рукописей за рубеж. Будешь напрямую встречаться с приезжающими в СССР самыми закоренелыми антисоветчиками, официально принимать и сопровождать их, куда захотят пойти, с кем встретиться. Пока выговор будем снимать, посмотришь на “идеологического противника” в прямом контакте, непосредственно в лицо. Мы верим, что уж тебя-то идеологический противник не завербует в “двойные агенты”. Но смотри в оба, чтобы “друзья” не подставили».

2. Двадцатилетний полет на двух разного цвета крыльях двуглавого имперского орла

Смею думать, что мой опыт на себе как-то повлиял на неожиданное брежневское решение, которое мы же ему сами и подсказали: одним хрущевским «антисионизмом» теперь уже процесс не остановить. «Они» быстро блокируются и обороняются скопом, а всю интеллигенцию не пересажаете и даже не уволишь. А что, если не давить «еврейское диссидентство», а просто попытаться его на государственных весах как-то уравновесить? Уравновесить хоть даже «черносо-тенством» – верным идее Великой Державы, «имперским» русским патриотическим крылом в партии – из последовательных, но сдержанных и подконтрольных «великодержавников». Немного не по Ленину, но гибко, вполне соответствующе историческому моменту. Идею эту образно сформулировали так: а что если полететь на двух крыльях и с двумя головами, как самодержавный орел на старом российском гербе?

Свою модель правления тайно, только среди самых-самых своих, Второй Ильич так и назвал «политикой двуглавого орла». Немного самодержавно, намекая на русские имперские традиции, но достаточно образно. Аскет-идеалист, су-

хой догматик-марксист Суслов у Брежнева остался красиво сидеть на пропаганде, остался ее образцовым талмудистом и марксистской декорацией. Но Брежнев сам стал последовательно «амбивалентен». В речах он по-сталински (стараясь не упоминать имени Сталина – зачем дразнить иудейских гусей?) громко барабанно вещал о единстве в партии, а тихо сокровенно сидел на двух стульях. Практически за кулисой с брежневских времен мы уже вычисляли-строили всю глобальную конспирологическую линию КПСС на балансе двух голов российского державного орла и двух его могучих крыльев. На соперничестве-противостоянии двух теневых партий внутри Большого Дома и по всей стране. Влиятельной, якобы «прогрессивной», «демократической», а на деле просто прозападной, интеллигентской, условно говоря, «Иудейской партии внутри КПСС». И противостоящей ей – сдерживающей ее, быстро усиливавшейся, яко бы «консервативной», «имперской», а на деле чисто «туземной», равнодушной к «интернационализму», державо-почвенной, имперско-государственной, «черносотенной», условно говоря, «Русской партии внутри КПСС».

Подчеркну, что понятия эти весьма и весьма конспирологические, то есть сугубо закулисные и кадрово размытые. Без четких кадровых границ. Случалось, и нередко, что люди перебегали из одной теневой партии в другую, что «протрезвлялись» и опять же меняли кулису. Состояли – и не были постами обижены! – внутри каждой из группировок

и свои непереманные прозелиты. Обрусевшие твердые государственники-иудеи, вроде блистательного публициста Анатолия Салуцкого, – иногда даже тайно крестившиеся, были среди нас. И напротив: свои активно, как «хромой бес» Александр Николаевич Яковлев, «жидовствующие», – извините еще раз за вульгаризм, но именно так не только в грубом быту, но и на величавом церковном богословском языке говорят, – «гнилые западники» из русских были активны в кругах евреев. Не обошлось и без многочисленных, как мухи, севших на сладкие пироги примазавшихся. Эти паршивцы делали себе карьеру на русско-иудейском противостоянии. А в душе им было до лампочки, к какой теневой партии приткнуться – лишь бы с ее помощью на сладкий пирог сесть.

Но этих прихлебателей-приспособленцев хоть не сразу, но все-таки можно было проверить на вшивость – доходило дело до борьбы, и они с поля боя тут же разлетались, как вспугнутые с зерна воробы. А еще хуже: были среди нас и высокопоставленные русские «тюфяки» – свои неваши-ненашевы, неповоротливые воротниковы, шкуры-шауры, лапотники-лапины, которые вроде бы по виду представляли «русских», занимали наши русские законные места в балансном руководстве, а были, по сути, лишь ужасным балластом. И людьми они вроде бы были не плохими, и по тайным взглядам вполне «своими». И подлостей явных не делали. Но уж лучше бы на их месте были «оппоненты». Идею оппо-

нента «высветить» можно – «просчитать» и блокировать. С оппонентами во всяком случае все всем всегда понятно. А от какого-нибудь русского неповоротливого медведя Михаила Федоровича – я о нем еще расскажу поподробнее – ждут действий, подсаживают его в самое солидное кресло для русских действий, а он ни рыба, ни мясо, не мычит, не телится, все только мечтает, что само за него русское дело сделается. И все в кулуарах на судьбу жалуется: «Ох, как трудно с “иудеями”, какие они пронырливые, какие несговорчивые. Чуть их прижмешь, сразу к своим побежали, сразу телеги на самый верх пишут. Уже не работаешь, а только отбиваешься!»

Таким хотелось ответить: «Так и не работай! Ты занимаешь место, предназначенное по теневому балансу для русского человека. Освободи! А то сейчас “они” тобой только в нос “нам” тыкают».

Было распространено мнение: «Ваш, мол, «антисемит» Лапин контролирует все телевидение». Такое мнение, кстати, пересказывает сейчас Митрохин в книге «Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы». Но тогда этому «антисемиту» сколь ко раз хотелось сказать: «А ты разве “их” контролируешь? Ты только вид “антисемита” показываешь. Ну, максимум, какого-нибудь уж слишком охамевшего местечкового иудея иногда публично одернешь. К насквозь еврейскому “КВН” придерешься чуть-чуть. А вожжи давно своему первому заму кавказцу Мамедову всецело передал. Тот же свою особую политику

проводит. Его нападки исподтишка на русских тебя вполне устраивают. Но делает он на этих нападках вовсе не “союзную политику”, а свою, обособленно “кавказскую”. Да и болтают про азербайджанца Мамедова, что колется он, что деньги ему на укол всегда нужны. Бред? А посмотри, какой он, нередко совсем смурной, инструктивные летучки для руководящего состава Гостелерадио ведет. До идеологии ли ему? Ты же держишься только тем, что у вас дачи с Черненко рядом!»

И таких русских, как Лапин, передоверявших вожжи, было, увы, немало. Вот они и все жаловались, как Воротников, как Зимянин, как Ненашев, как Шауро: «Мы везем воз!». А везли не туда; под откос везли. Конечно, хотелось это все в лицо сказать, но поди скажи, если у него дача с Черненко рядом. В итоге «русские тюфяки» под откос советскую власть таки отвезли, а такие, как Мамедов, посмеивались. При Брежневе немного поутихли с международным интернационализмом. Но свой-то внутри Советского Союза сколоченный «интернационал» куда было девать? – Приходилось ублажать «националов» всякими привилегиями перед коренным русским населением, несшим на себе тяжкую государственную ношу. А те и рады нажить капитал. И не только духовный, а прямой материальный. На «национальных окраинах» прямо-таки феодальные царьки сели и гребли-гребли под себя. С коренной России последнюю копейку дерут, а им дотации. Предприятия самой передовой технологии по-

чему-то строились именно в Прибалтике. Именно там, единственно где, была отстроена самая дорогостоящая дорожная инфраструктура. В России бездорожье – в Прибалтике всюду, даже к маленькому хутору, гладкий асфальт. В лучших вузах «националам» всюду отдельные льготные квоты, в центральных аппаратах опять же льготные квоты. На всех культурных направлениях – националам первые места и на сцене и в партере. Русских стихов и прозы столько в советское время не выходило, сколько переводов с национальных языков. Ну, а главные переводчики – иудеи. «Русские» с «иудеями» грызутся, а они арбитры. Не за так! А кто больше подбросит.

Но и это бы ладно. Сколько раз готов повторить: в диалектике отрицание отрицания дает плюс! Так что не все в русско-еврейском противостоянии было беспробудно плохо. Какая-то взаимоκριтика хоть гнилому болоту не давала застаиваться. Однако на гегелевской триаде русско-еврейского противостояния всегда пытались сыграть свою особую игру и половить рыбку в мутной воде всякого рода националисты и «евразийцы» с наших – на наши же русские деньги! – не в меру развитых национальных окраин. Как присоски-пиявки, крови напились, и почему бы от державного стержня не отвалиться. То же и с Украиной, на которой были построены лучшие заводы, а как результат – самодовольство и оживление «украинской самостийности». Особый «самостийный», «европейский» форс перед «русскими азиатскими медведями». Мы к ним всей душой, а они к нам – задом.

Но это особый деликатный и немного «периферийный» разговор. Пока же вернемся к главному – к русско-еврейскому стержневому противостоянию. Итак, мы сознательно внутри КПСС разделились на две головы, два крыла. Как теневые партии выстраивались? «Иудейской партии внутри КПСС» – именно ей, учитывая ее великие связи на Западе, в том числе для нас особо важные, тайные масонские контакты, была почти всецело доверена внешняя политика – курс на разрядку. Также ей была доверена тонкая работа с многочисленной «жидовствующей», так называемой прогрессивной интеллигенцией. Ревниво почвенной, державно-государственной «Русской партии внутри КПСС» была доверена работа с консервативной частью интеллигенции, а также с опорными государственными «сословиями» – с рядовыми партаппаратчиками, чекистами, армейскими офицерами.

На «Русскую партию», подчеркиваю, именно и только на ее кадры, опиралась брежневская КПСС во внутренней политике. Ни одного «персека» на край, область или автономную республику без тщательного «нашего» просвечивания на «пархатость» не назначали, все вторые «контрольные» секретари в союзных республиках с огромными правами были из «Русской партии».

То же было и при дележе «четвертой власти», сиречь СМИ. «Иудейская партия» получила в свое практически полное распоряжение «Литературную газету», журна-

лы «Юность», «Новый мир», «Знамя», журнал «Наука и жизнь», издательство «Советский писатель», мощный Политиздат. А «Русская партия» при дележе влияния получила «Огонек», «Литературную Россию», «Молодую гвардию», «Москву», «Наш современник», «Кубань», «Волгу», издательства «Современник», «Советская Россия», Воениздат, а также «Роман-газету», «Театральную жизнь», «Пограничник», как многомиллионный знаковый (права человека!) журнал «Человек и Закон». Я говорю только про самые знаменитые издания.

Аппараты Союза писателей, Союза кинематографистов СССР, Союза театральных деятелей были чисто «передовыми», «демократическими», что на практике означало – «иудейскими». Но Союзы писателей РСФСР и Союз художников РСФСР, напротив, были даже чересчур воинственно, нетерпимо русскими. Благодаря активной издательской политике Юрия Прокушева и Валентина Сорокина «Современник» на потоке выпускал в свет книги только русских авторов, особенно русских поэтов, которых тут же принимали в Союз писателей. При Феликсе Кузнецове, пополняясь русскими, быстро обрусело прежде почти поголовно «иудейское» Московское отделение Союза писателей. Обрусели и выросли и все местные отделения, кроме Ленинградского.

Особого разговора заслуживает театр. Союзной театральной творческой организации по традиции не было. А ВТО – Всероссийское Театральное Общество с 1964 по 1986

год возглавлял великий русский артист Михаил Иванович Царев, отчаянный русофил. В ВТО было сильное русское правое крыло во главе с критиком Зубковым и такими крупными русскими главными режиссерами, как Николай Охлопков, Андрей Гончаров, ленинградец артист и режиссер Игорь Горбачев. Еврейское левое крыло возглавлял драматург Шатров (Маршак) – автор насквозь русофобских и скрыто троцкистских пьес о Ленине. Сам, кстати, родственник репрессированных видных троцкистов. Вокруг псевдolenинских пьес Шатрова в верхах вечно кипел скандал. Но его поддерживал Андропов-Файнштейн. Андропов же всеми силами поддерживал еврейский «Театр на Таганке» Любимова (дочка Ира у него была замужем за артистом) и такой же объевреенный «Ленком» Марка Захарова. Театр-студия «Современник» сначала Ефремова, потом Табакова болтался между двумя стульями, как и потом МХАТ с Ефремовым. Но Малый театр («Дом Островского»!) Михаила Царева традиционно оставался русской цитаделью. Вся театральная провинция за малыми исключениями была русской. Я после АПН какое-то время поработал спецкорром «Театральной жизни» (куда только не забрасывала номенклатурная «служебная необходимость»!). Колесил по русской провинции и использовал эту возможность для организации русских опорных пунктов на местах. Парадоксально, но высшее партийное руководство страны тогда думало о состоянии умов в провинции и хотело быть информировано о нем

не только по гладким обкомовским отчетам и не по несколько тенденциозным (особенно к православию и всему специфически русскому!) сводкам андроповского КГБ.

Вот и пришлось мне много поездить. Я был давним поклонником Царева, писал о нем еще в своей студенческой работе по пьесе и спектаклю «Перед заходом солнца» и нередко сопровождал Царева в поездках по провинции. Мы с ним рядом даже еще целину на зеленом автобусе исколесили, где Брежнев попросил его выступить перед молодыми энтузиастами. Связка эта снова благотворно для меня заработала. Царев мне на многое в жизни русской элиты открыл глаза.

Главный редактор «Театральной жизни» Юрий Александрович Зубков был по натуре «собирателем», к нему тянулась вся провинция. Он дружил домами с Царевым, Софроновым, главным редактором «Огонька», и с членом Политбюро Черненко. И меня, как правило, принимали по приезду в область или край Первые секретари – и не шапочно, а с долгим серьезным разговором – не только по репертуару и по оценкам отдельных спектаклей облдрамы, но и о том, как помочь областному театру с финансированием из дополнительных «спонсорских» источников и с квартирами, чтобы пригласить крупных актеров, но, главное, как сделать его центром местной русской культурной жизни. В театрах всегда всю элиту своей области знали насквозь, как под лупой, и эти сведения были очень полезны Брежневу и Черненко.

Я всегда осторожно подсказывал областным лидерам, как использовать в качестве русской опоры местные организации ВООПИК – «Русские клубы» и как дипломатично убедить их от нередко «деконструктивной», излишне нервной заботы местного КГБ. (Между линией Брежнева и линией Андропова уже тогда наметились «разночтения»). Ни на Брежнева, ни на Черненко я, естественно, напрямую никогда не ссылался, но намекал, что именно они были организаторами ВООПИК и сейчас в успешной деятельности на местах Общества охраны памятников истории и культуры как истинно русские патриоты отцы высокого полета державного орла, кровно заинтересованы.

Подобные разговоры, как правило, легко давались. На местах, понятно, преобладала «Русская партия внутри КПСС», а евреев «несли», как могли, не стесняясь.

3. Русские и еврейские «опорные пункты»

Естественно, что фиксированного членства в иудейской или русской партиях не было. Партвзносы все платили в общую кассу КПСС. Но у каждого «крыла» были свои заведомо знаковые фигуры. Иудейское крыло, начиная с «Литгазеты» и т. п., курировал член Политбюро Юрий Владимирович Андропов-Файнштейн. «Литературную наковальню» (так «Лит газету» прозвали!) не случайно считали сливным отстойником гебешных спецматериалов. Рупором же иудейского крыла, его «репрезентативной» (представительной) фигурой стал «жидовствующий» Александр Николаевич Яковлев, первый зам при знаково отсутствовавшем много лет Заведующем отделом Пропаганды ЦК КПСС (считалось, что Заведующим должен стать человек из русского крыла, но Суслов все никак «не мог» подобрать достойно значимую кандидатуру – впоследствии на эту должность перевели Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Тяжельникова, которого Андропов позже съел). Русское крыло, начиная с «Огонька» и т. п. по нисходящей, курировал ближайший друг генсека, «сидевший на кадрах и проверке исполнения» член Политбюро Константин Устинович Черненко. И «горбачевского хаоса» в партии при нем не было; как выполняются все решения и постановления ЦК, он проверял всегда

«в нужном направлении» — скрупулезно, дотошно, умело используя своих людей в «Русской партии внутри КПСС».

Можно что угодно теперь задним числом говорить о низком уровне его образованности, хотя Андропов был, увы, абсолютно такого же, если не гораздо меньшего, — так мне по крайней мере показалось — уровня образованности. Формально Андропов-Файнштейн даже вообще ничего не закончил: корочки примитивной ВПШ на старости лет — смешно! А Черненко хорошее гуманитарное высшее образование имел и не с ходу, но мог вникнуть, когда ему объясняли даже самые тонкие идеологические дефиниции. Иногда бывало Суслов еще разбирается, еще в цитатах копается, а Черненко в «засеченной» идеологической операции «противника» уже схватил самую суть. А прямое свое дело Черненко твердо знал. Кадровые узды правления в руках крепко держал (ни одно назначение без проверки «на пархатость» у него не проходило!), и он мог даже перед великим демагогом Сусловым стеной стать — русскую точку зрения, русского человека, когда надо, таки отстоять.

Таков был куратор «Русской партии», хотя, как правило, за тенью «друга Кости» маячил сам Брежнев, который, не торопясь, стараясь сгладить, как можно, но таки решал все щепетильные русские вопросы. На русскую боль он всегда отзывался.

Рупором же русского крыла быстро стал главный редактор массового журнала «Человек и Закон» еще молодой Сер-

гей Николаевич Семанов. Человек редкой энергии, он формально, конечно, имел неизмеримо меньше веса, чем Яковлев: тот все-таки инструктировал главных редакторов на летучках на пятом этаже в пятом подъезде Большого Дома (хотя всегда под надзором Суслова или другого секретаря ЦК – одного его никогда инструктировать не оставляли – не слишком доверяли!). А Семанов ухитрялся исподтишка «инструктировать» все наше общество. Он перевел «правозащитников», – традиционно еврейский конек – под Русское Знамя. Это была наша крупная идеологическая победа не только на внутреннем, но и на внешнем фронте, что признавал Андропов (он даже позвонил в «Голос Родины», посоветовал раскрутить эту тему «на зарубеж») и с особым удовлетворением отметили Суслов, Черненко и сам Брежнев. Вокруг «репрезентативных», «знаменных» фигур сразу же завязалась основная борьба. Скинуть «репрезентативную фигуру» противника, оставить без знамени – означало общую победу, по крайней мере, на несколько лет вперед. Как в военных играх, где борьба ведется вокруг Знамени. Ну, а саму «военную игру», естественно, определяли «штабы», которыми руководили в обеих закулисных партиях полководцы чрезвычайно мудрые – с обеих сторон форменные «гроссмейстеры», соответственно, Русской и Иудейской Идей – мыслители уровня знаменитых «сионских мудрецов».

Есть особая порода людей, которые как-то спонтанно к

себе притягивают единомышленников. Не кодлу, не банду, не пьяную компанию формируют, а именно идейных единомышленников. В русской истории было две великих организационных группировки по Духу – «Могучая кучка» и «Передвижники». В «Могучей кучке» вождем-собирателем был композитор М.А. Балакирев. У «передвижников» – живописец И.Н. Крамской. Без таких «собирателей» невозможны крупные духовные прорывы. Они своими действиями определяют стратегию духовного развития на целые поколения.

В русско-иудейском противостоянии тоже спонтанно выявились свои вожди— «собиратели» В «Иудейской партии» начали верховодить популярные Симонов, Чаковский и Шатров; в «Русской» – не менее популярные Ганичев, Прокушев и Зубков. О, как разны были эти фигуры по своему менталитету! Сразу уже по ним одним была видна полярная разность внутренних духовных установок в еврейском и русском лагерях. Все шестеро в творческом отношении примерно одного уровня. Наши Ганичев, Прокушев и Зубков, пожалуй, даже покрепче. Константин Симонов, ловкий армянский еврей-полуграфоман, практически поэт одного стихотворения «Жди меня», написанного в войну. Все остальное очень средне, очень банально. Писал много. Но на поверхностную публику. Александр Чаковский и того слабее – автор слащавых, банальных повестей и нудного романа «Блокада», который ему писала вся «Литгазета».

Но Боже, как, пользуясь своим положением, оба раскру-

чивали себя, как заставляли своих единомышленников и, торгуясь, даже врагов писать про них! Как выбивали себе все мыслимые и немыслимые премии! Напротив, три русских богатыря-собираателя были всегда поразительно скромны. Ганичев писал нужные, «просветительские» исторические сочинения. Прокушев и Зубков были крепкими и умными, соответственно, литературоведом и театроведом, ничем не слабее, чем знаменитый музыковед В.В. Стасов в «Могучей кучке». Но себя никогда не выпячивали, говорили группировавшимся возле них и, естественно, горевшим желанием их прославить молодым литературным критикам:

– Зачем про меня? Напиши про Валентина Распутина. Его, его надо поднимать! А еще лучше найди молодое имя – вытаци на свет молодого автора. Это тебе на Божьем Суде сторицей зачтется.

Естественно, кроме «собираателей» были у «них» и у нас свои «теневики». Закулисную игру у иудеев вели их «сборщики» – держатели кассы еврейской взаимопомощи. Вот она знаменитая еврейская бытовая солидарность, у нас такой никогда не было. Да и попробовали бы у нас такую сделать? Много ведь русских людей попадали в беду, затравливались еврейскими лобби, лишались работы, оставаясь без средств к существованию. Но когда мы с моим другом критиком Святославом Котенко дернулись создать такую русскую кассу, на нас обрушилась ГБ: «Вы что, опозорить государство хотите? Вам что, советских профсоюзов не хватает? Поду-

маешь, евреи! – Они “малый народ». Нацменьшинства тут можно понять, что они собирают черную кассу. А вы – “большой народ”. У вас это будет выглядеть опасной мафиозной группировкой».

Нам любое «финансовое» объединение запрещалось. А вот евреи и на партсобраниях держались всегда «сворой» – мгновенно формировали свое «лобби», забывали про внутренние приязни и неприязни и терзали жертву. Вообще партийные собрания были самой удобной формой для еврейского самоутверждения, словно самой природой созданной для «сворного» манипулирования общественным мнением. Мы, русские, что-то на самом деле пытаемся обсудить, в чем-то разобраться. У нас соборное мышление, когда никого не обижают, всех выслушивают. А евреи? Выдвигают сворой «на верх» только своих, задвигают, дают выговора только «чужим».

Но конкретно о «сборщиках». У евреев многие годы им был Индурский, внешне невзрачный, но умнейший главный редактор «Вечерней Москвы», тесть будущего министра культуры при Ельцине Евгения Сидорова. Бездарного проходимца-зятка, полукритика-полуюриста, вон куда вытащил! Чтобы Кагал заправлял всей русской культурой!

С Индурским я никогда не сталкивался, хотя в его «Вечерке» часто печатался с рецензиями на фильмы и спектакли – активной идеологической «просионистской» позиции «Вечерка» осторожно не занимала, да и под Первым секретарем

Москвы Гришиным это было бы затруднительно. А в отдельном еврейском городе внутри Москвы – останкинском Новом Тель-Авиве таким сборщиком был посредственный режиссер, но весьма активный организатор Леонид Пчелкин. Евреи ему поддерживали ореол «гонимого» – его черно-белый троцкистский «ленинский» фильм по Шатрову был положен на полку (хотя выплаты за него все получили сполна). Уже в «перестройку» фильм этот сняли с полки и показали, и все увидели, что это просто троцкистский «капустник» без малейших признаков искусства. Клеймо гонимого «полочника», однако, не помешало Пчелкину много лет переизбираться секретарем парткома. Такая вот вызывающе «протестная» была на ЦТ парторганизация. У Пчелкина был личный особняк аж на Садовом кольце. Генсек такого шика не имел. И деньги умел Пчелкин делать прямо из воздуха. Был, как уже говорилось, паршивеньким, совершенно бездарным режиссером. Но был блестящим сводней для артисточек, мечтавших получить благосклонность телевизионного начальства, чтобы показаться на голубом экране, и этим держал телевидение в своих руках. Умел не мытьем, так катаньем уговаривать «подхалтурить на телевидении» хороших актеров. Те морщились – сниматься у Пчелкина считалось дурным вкусом, его вечно осмеивала пресса. Но он умел выбить непомерно большие гонорары, и многие даже великие не удерживались – решались «подхалтурить» на жизнь у Пчелкина. Он снимал самые примитивные, с неподвижной

камерой, как во времена рождения Великого Немого, самые дешевые фильмы-концерты, фильмы-спектакли, но по ведомостям выдавал их за полноценные и дорогие художественные фильмы. Оплата в разы выше, и практически вся себе в карман. В конце жизни он был полуслепой, еле передвигался, но делал себя художественным руководителем, пробивал тему в план и нанимал «кинорабов» попахать за него. Пронзительная по бесстыдству и проходимистости фигура.

Мне довелось поработать на телевидении главным редактором, и меня он таки достал. Сначала все пытался «наладить отношения» – предлагал конверты с деньгами, норовил подсунуть артисточку, пытался затащить на «отдых с дамами». Но я не клюнул и категорически отказался подписать ему гонорар за сценарий «Дети солнца», в котором он, механически переписав пьесу Горького, даже запятой своей не поставил, но деньги хотел по высшей ставке – разумеется, не покойному Горькому, а себе. Не прошел номер, тогда он приносит тот же сценарий, но уже за подписью исполнителя главной роли артиста Иннокентия Смоктуновского. И, не моргнув глазом, опять деньгу качает – заплати за пьесу Горького по высшей ставке как автору Смоктуновскому, мол, уж ему-то Лапин не откажет. Плати ему – он мне отдаст. Иннокентий Михайлович Смоктуновский – друг Святославу Котенко и мне. Охотно выступал в публицистических, очень русских диалогах с критиком Котенко, которые я еще в «Театральной жизни» печатал. Сколько раз делом

он помогал русской партии! Например, когда закрыли за национализм документальный фильм Котенко «Русская изба», Смоктуновский взялся сам прочесть патриотический текст, не дал из него выкинуть ни строчки и затем приехал на Худсовет студии, где мы с ним на пару (я от ВООПИК – от общественности!) отстаивали прекрасный русский фильм.

Но ты мне друг, а совесть дороже – я не подписываю разворовывать казну. Пчелкин пошел к Лапину. И Лапин... не отказал. А у меня сразу смертельный враг.

Вот такие напористые были «сборщики» у евреев. А у нас (хотя нам «русскую черную кассу» создать не дали!) теневой работой занимался всесторонне образованный публицист, блестящий переводчик романиста и будто бы агента контрразведки Сомерсета Моэма неутомимый и изощренный, стически православный Святослав Котенко. Очень благородно, что Семанов в своей книге «Русско-еврейские разборки» о важной фигуре, к сожалению, рано ушедшего из жизни Святослава Котенко достойно вспомнил. Мы были со Святославом весьма близки, учились вместе на романо-германском отделении филологического ф-та МГУ, дружили семьями. Боец Святослав Котенко, как и я, был в любимцах у Самарина. Святослав Георгиевич – красавец с артистической внешностью, – он преподавал в МГУ, работал одновременно под крышей ВООПИК и редактором отдела критики «Молодой гвардии», где именно он заказывал и редактировал важнейшие статьи, практически определяя все «зна-

ковое» направление журнала. Он остался, как и наш учитель Самарин, принципиально беспартийным (отказывался Котенко многожды, а партия была условием высокой должности – но он упорствовал: «Я в Бога верующий!») и был повсюду вхож и близок с самыми высокими академиками и выдающимися деятелями, как нашими, так и с Запада. Именно Святославу Котенко вместе с Петром Палиевским (он после смерти Самарина займет его место зама по научной работе в ИМЛИ) была доверена «русской партией внутри КПСС» изначальная организация «Русских клубов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.